

Это нужно сделать!

Возможно, второго шанса уже не будет! Легкая фигура мелькнула перед открытым камином: развевающиеся золотисто-каштановые волосы, тонкое хлопковое платье, прикрывающее длинные и тонкие, как у жеребенка, ноги.

Но что, если у нее не получится? Ведь ребенок может не дать довести план до конца! Мысль эта обрушилась на нее похоронным звоном, и призрачная фигура растворилась в воздухе.

Это был бы конец! Если сейчас упустить возможность и не ухватиться за соломинку, которую подбрасывает фортуна, она будет обречена до конца дней прозябать в нищете, как и ее мать, которая всю жизнь прожила в убогом домишке, одном из десятков таких же безликих построек, образующих целый лабиринт серых, невзрачных улиц.

Это означало бы, что в жизни у нее не будет ничего, кроме этого двора, общего для восьми домов, в четырех из которых семьи пользуются одной ванной, одним водяным насосом... одной уборной.

Теа Мейбери посмотрела на чернеющее на фоне багряного безоблачного неба большое ветряное колесо угольной шахты «Снежная», и ее миловидное детское лицо скривилось. Вращение колеса напоминало движение колесницы смерти, несущейся по небу и сеющей вокруг себя страдания. Всем, кто жил в его тени, суждено было умереть: мужчинам, которые задыхались в черных недрах угольной шахты, детям, которым приходилось спать по несколько душ в одной кровати. Днем дети помогали взрослым добывать

уголь в шахте, а по ночам дышали все той же ядовитой угольной пылью, от которой не было спасения, ибо она проникала во все щели. Не помогали даже закрытые окна в домах, и мало у кого из детей были здоровые легкие. Жизнь в муках и саже, обычная для большинства женщин в Дарластоне, ждала и ее. Днем женщины трудились не покладая рук, а по ночам молились Богу, чтобы он уберег их от очередного ребенка.

Нервы Теа сжались в комок, дыхание замедлилось. «Снежная». Какое подходящее название для шахты! Мечты мужчин, входящих каждый день в ее черную пасть, помыслы женщин, толкающих груженные углем тележки, — все растворялось в воздухе, как туман.

Вот на что обрекал ее ребенок.

Наблюдая за клубами дыма, вырывающегося из труб на крышах домов, которые тесно лепились к шахте, Теа взволнованно мяла мягкую ткань дешевой юбки. Рождение ребенка все разрушит, поставит точку на ее мечтах, и они растают, как снег под первыми лучами весеннего солнца. Вместе с ними растает все, о чем она думала каждый день своей жизни в этой хибаре, все, о чем она молилась ежедневно... И теперь, когда ее молитвы были услышаны и появился шанс вырваться из этого ада, судьба не должна отвернуться от нее.

Откуда-то из густой травы вспорхнула испуганная птица и, устремившись в небо, нарушила вечернюю тишину прекрасной песней. Наблюдая за ее полетом на фоне заката, Теа почувствовала, как у нее потеплело на сердце. Лукавая фортуна, подарившая шанс на спасение, подсказала и решение.

Теа проводила птицу глазами. Ее маленькие, но сильные крылья обязательно унесут ее туда, куда она стремится. Как и птица, она должна изо всех сил рваться к своей цели.

«Упустить такую возможность?.. Ну уж нет», — продолжив путь, подумала Теа и улыбнулась. Она не упустит своего шанса, она сделает все, чтобы ее мечта сбылась... Даже если для этого потребуется бросить ребенка в старую шахту!

— Ты должна мне помочь, Алиса. Кроме тебя, мне не к кому обратиться.

Теа Мейбери дождалась, пока озадаченное лицо девушки, сидевшей на краешке узкой каркасной кровати, постепенно сделалось недоверчиво-удивленным.

— Должна, ты ведь сама это понимаешь, правда? Речь идет о единственном для меня выходе.

От волнения напряглись мышцы живота. Чтобы тишина не затянулась, Теа сделала вид, что расплакалась. Алиса не согласится, это ясно как божий день. Но ее нужно заставить согласиться... Заставить во что бы то ни стало!

Пока Теа Мейбери вытирала фальшивые слезы, ее мозг напряженно работал. Предложение свалилось на нее неожиданно, как снег на голову. Но оно обещало именно то, о чем ей всегда мечталось: новая жизнь в другой стране. Ей больше не придется жить в полунищете и постоянно таскаться на рынок, можно будет подумать о платьях по дороге. У нее будет свой дом и все, что полагается в придachu... Теа Мейбери заживет, как настоящая леди.

— Никто ведь не узнает, — еще раз жалостливо шмыгнув носом, сказала она и отошла в противоположный угол крошечной комнаты. Положив руку на комод, Теа продолжила: — Скажи, разве придет кому-нибудь в голову задумываться о чем-то таком? А на тебе это вообще никак не отразится. Все равно ведь никому...

«Никому до тебя нет дела», — про себя закончила Алиса Мейбери, старшая сестра. Дурнушка Алиса, на которую

не обращал внимания ни один мужчина, если он хоть раз видел хорошенькую Теа.

— Пойми же, — настаивала на своем Теа, не обращая внимания на мелькнувшую в глазах сестры горечь, — это единственный выход. И самый лучший.

«Лучший для всех или лучший для тебя, Теа?» — поневоле подумала Алиса, и губы ее обиженно поджались. Младшая сестра всегда во главу угла ставила свои личные интересы. Мир должен был не просто крутиться вокруг Теа, он должен был крутиться для нее.

— И матери от этого будет больше пользы, чем от того, что я буду таскать всякую дрянь в город.

Дрянь! Пальцы Алисы сжались на холодной железной раме кровати. Ездить в город на рынок было единственной обязанностью сестры. Шитьем, которое давало им возможность хоть как-то содержать дом, Теа не занималась, спину на огороде не гнула, овощи, которые покупали у них богатые семьи Дарластона, не собирала и, конечно же, ухаживать за больной матерью не помогала.

Сестер разделяло небольшое пространство комнаты, но Теа чувствовала, что Алиса пока еще ни на что не может решиться. Она до сих пор не дала никакого ответа и вообще не произнесла ни единого слова... Неужели сестра откажет?... Нет, она не сможет... Теа этого не допустит, потому что хорошо знает, как добиться своего. Не получится уговорами — она попробует по-другому.

— Пожалуйста, Алиса, не говори «нет»...

Воспользовавшись паузой, Теа снова всхлипнула и стала умолять:

— Ведь я так надеялась, молилась, чтобы это произошло! Неужели сейчас, когда мне выпал такой шанс, ты хочешь помешать воспользоваться им? Я же знаю, ты не сделаешь этого! Ну пожалуйста, помоги мне, Алиса!

«...не сделаешь этого!» Непослушные мысли завертелись в голове Алисы. Такие отношения были у них с сестрой всегда: Теа поступает так, как хочется ей, а расхлебывать неприятные последствия приходится Алисе. Ответственность всегда возлагалась на старшую сестру. «Это ты не уследила...», «тебе следовало бы лучше заботиться о Теа...» Мать даже мысли не допускала, что ее младшая дочь может быть в чем-то виновата. Теа всегда была любимым ребенком Анны. Теа необходимо купить новое платье; маленького рыженького ангелочка обязательно каждый вечер нужно покачать на коленях; бедную хрупкую Теа нельзя нагружать работой, разве что самой легкой... И вообще, неужели Теа способна сделать что-нибудь не так?

Однако на самом деле Теа много чего делала не так. Вот и сейчас она, как обычно, хотела, чтобы за все отвечала сестра, чтобы вся ответственность легла на плечи Алисы. Эта мысль заставила Алису еще крепче сжать пальцами холодное железо. Нет, на этот раз она не пойдет на поводу у сестры и откажет ей в просьбе. Так нельзя, неправильно с моральной точки зрения. Это было бы грехом по отношению к ребенку, грехом в глазах Господа. Она не станет помогать ей. Не теперь...

— Нет, — ответила Алиса, сверля взглядом хрупкую фигуру, застывшую в ожидании, и слегка покачала головой. — Нет, Теа, я не могу...

Золотые лучи багрового закатного солнца, которые проникали в комнату через небольшое квадратное окно, выхватили из темноты голубые огоньки, сверкнувшие в глазах Теа.

— Не можешь! Не можешь или не хочешь? — не сдерживая раздражения, крикнула она. — А, я понимаю, почему ты отказываешься... Тебе ведь, в отличие от меня, не повезло! Значит, я не имею права на счастье? Так ведь? Ну

конечно, ты просто завидуешь, ты всегда завидовала мне, признайся, Алиса. Это все зависть!

Завидовала ли она сестре? У Алисы неприятно сжалось сердце, когда она поняла, что в этом обвинении есть доля правды. Да, все ее детство — это ревность, зависть и порою печаль. Нет, причиной этой зависти были не золотистые кудри и хорошенькое личико. И даже не новые платья с чудесными лентами и бантами, которые постоянно шила мать для младшей дочери. С этим она научилась как-то справляться. Ее печаль была вызвана тем, что ей не хватало любви, той любви, которую в избытке получала Теа. Да, все дело было именно в той особенной материнской любви, которой мать одаривала младшую из сестер и в которой Алиса так нуждалась. Она мечтала о ней, утирая слезы, долгими ночами и просила о ней днем, взывая к небесам. Но приходил вечер, и не Алису, а Теа сажала на колени мать, гладила по голове и нежно целовала на ночь. Именно это было причиной ревности, только вот...

— Признайся! — Злой выкрик снова прорезал тишину. — Признайся в этом, Алиса, выпусти на свободу демона, который гложет тебя!

Резкий, как холодный осенний ветер, рвущий с деревьев последние листья, этот крик развеял тень сомнения, и Алиса впервые в жизни открыто столкнулась с тем, о чем всегда догадывалась, но все же боялась признать: для Теа важна лишь сама Теа, и так будет всегда; кроме себя самой, ее в этом мире не интересуется никто; для сестры имеет значение лишь личная выгода.

— Выпусти на свободу демона... — задумчиво повторила Алиса. В ее душе вихрем закружились чувства, но она не подала виду и спокойно посмотрела на сестру. Симпатичное личико Теа исказила гримаса недовольства и раздражения. В детстве, а точнее, до этого самого вечера такое